

УИЉМ
БЕРРОУЗ

УИЛЬЯМ
БЕРРОУЗ

ДЖАНКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

William S. Burroughs
JUNKY

Перевод с английского *А. Керви*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Берроуз, Уильям.

Б51 Джанки : [роман] / Уильям Берроуз ; [пер. с англ. А. Керви]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-103529-7

Маленький роман, который навеки изменил лицо современной неконформистской прозы. Роман, который открыл миру страшную тему наркозависимости — и тем самым открыл путь в литературу для Хантера Томпсона, Ирвина Уэлша и многих других мастеров, для которых эта большая тема стала ключевой в творчестве.

Странная, безжалостная и гениальная книга, в которой мир реальности причудливо и изощренно сочетается с миром фантазий и галлюцинаций.

Блистательно написанный «путеводитель по аду», который заставлял бы содрогнуться в ужасе самого Данте, — ведь ад от Берроуза есть не вымысел, а реальность.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© William S. Burroughs, 1961, 1966, 1968
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-103529-7

ПРОЛОГ

Я родился в тысяча девятьсот четырнадцатом, в солидном трехэтажном кирпичном особняке, в одном из самых крупных городов Среднего Запада. Семья жила в полном достатке. Отец владел предприятием, которое занималось поставками пиломатериалов. Прямо перед домом — лужайка, на заднем дворе — сад, садок для рыб и окружавший все это хозяйство высокий деревянный забор. Помню фонарщика, зажигавшего газом уличные фонари, здоровый, черный, блестящий «линкольн» и поездки в парк по субботам — всю эту бутафорию безопасного, благополучного образа жизни, ушедшего теперь навсегда. Я мог бы рассказать еще о старом немецком докторе, жившем в соседнем доме, о крысах, шнырявших на заднем дворе, тетиной газонокосилке и о моей ручной жабе, обитавшей рядом с садком, но не хотелось бы опускаться до шаблонов, без которых не обходится ни одна автобиография.

По правде говоря, мои ранние детские воспоминания окрашены страхом ночных кошмаров. Я боялся остаться один, боялся темноты, боялся идти спать — и все это из-за видений, в которых сверхъестественный ужас всегда граничил с реальностью. Я боялся, что в один прекрасный день мой сон не кончится, даже когда я проснусь. Я вспоминал подслушанный мной

рассказ прислуги об опиуме — о том, какие сладкие, блаженные сны видит курильщик опиума, и говорил себе: «Вот когда вырасту, то обязательно буду курить опиум».

В детстве я был подвержен галлюцинациям. Однажды ранним утром я увидел маленьких человечков, играющих в игрушечном домике, который я собрал. Страх я не испытал, только какое-то спокойствие и изумление. Следующая навязчивая галлюцинация или кошмар, преследовавший меня неотступно в возрасте четырех-пяти лет, был связан с «животными в стене», он начинался в бредовом состоянии от странного, не поддающегося диагнозу нервного возбуждения.

Я посещал начальную школу с будущими примерными гражданами — адвокатами, докторами, бизнесменами этого крупного городского захолустья на Среднем Западе. В общении с другими детьми был робок и ужасно боялся физического насилия. Одна агрессивная маленькая лесбиянка дергала меня за волосы всякий раз, когда замечала. Так бы и вмазал ей сейчас по роже, но, к сожалению, опоздал — давным-давно она свалилась с лошади и сломала себе шею.

Когда мне было около семи, мои родители решили переехать на окраину, дабы «скрыться от людей». Купили большой дом, окруженный лесами и полями, с рыбьим садком и белками вместо крыс. Так и зажили здесь, в спокойной дыре с прекрасным садом, напроочь оборвав все связи с городской жизнью.

В средней школе я ничем особо не выделялся ни в спорте, ни в учебе и был типичным середнячком. Математика, как и остальные точные науки, была для

меня темным лесом. Никогда не любил спортивные командные состязания, по возможности стараясь от них увильнуть. Короче, слыл хроническим симулянтом. Зато обожал рыбачить, постреливать всякую живность и подолгу шататься. Для американского мальчика того времени я читал гораздо больше обычного: Оскара Уайльда, Анатоля Франса, Бодлера, даже Андре Жида. На почве романтики я сдружился с одним парнем, и по выходным мы исследовали старые каменоломни, катались по округе на велосипедах и рыбачили везде, где только клевало.

В то время меня просто потрясла автобиография одного вора-взломщика под названием «Всегда не прав», где автор вполне обоснованно утверждал, что провел большую часть своей жизни за решеткой. Для меня, в сравнении со скукотищей «среднезападного болота», напрочь исключавшего всякую связь с внешним миром, это звучало захватывающе интересно. В своем приятеле я видел союзника, сообщника в преступлениях. Наткнувшись на заброшенную фабрику, мы перебили там все стекла и стянули резец. Нас поймали, и наши предки были вынуждены возместить причиненный ущерб. После этого мой дружок меня «законсервировал», поскольку общение со мной стало угрожать его положению в «определенных кругах». Я вскоре понял, что с этими «определенными кругами», как и со всеми остальными людьми, невозможен какой бы то ни было компромисс, и обрел себя в полной мере в совершенном одиночестве.

Окружение опустело, противник затаился, и я предался приключениям в одиночку. Мои мелкоуголовные деяния были жестами абсолютно невыгодными и

по большей части безнаказанными. Я мог забраться в пустой дом, слоняться там по комнатам и смотреть, так ничего и не взяв. Бабки мне были, по сути дела, не нужны. Иногда я колесил по округе с винтовкой 22-го калибра, подстреливая цыплят. Я водил машину с полным пренебрежением к правилам дорожного движения, пока не вляпался в аварию (из которой выпутался чудом и сравнительно легко отделался), сильно перепугался и стал обыденно осторожным.

Я поступил в один из трех ведущих университетов, где специализировался по английской литературе, не проявляя ни малейшего интереса к какому-либо другому предмету. Я ненавидел университет, ненавидел город, где он находился. Все, что соприкасалось с этим местом, разило падалью. Университет, бывший убогой подделкой под английский, заполонили выпускники закрытых средних учебных заведений, столь же убого-поддельных под английские частные школы. Я оказался в полной изоляции, так как никого здесь не знал, а замкнутая корпорация вышеупомянутых типов питала отвращение к чужакам.

Совершенно случайно повстречал нескольких денежных педрил из международной голубой системы, путешествовавших по всему миру, снимавших себе подобных во всех голубых притонах от Нью-Йорка до Каира. Я, выражаясь языком социологов, усвоил их образ жизни, лексику и знаковую систему. Но, поскольку в большинстве своем они были полными ничтожествами, я резко охладел к этой компании после первоначальных восторгов.

Когда я без всяких отличий окончил учебу, то получил по отцовской доверенности сто пятьдесят дол-

ларов в месяц. На дворе — депрессия, работы не было, даже если я слишком хотел чем-нибудь заняться, думать об этом не приходилось. Я мотанул в Европу, проболтавшись там около года. Европа находилась в последней стадии послевоенного догнивания. За баксы можно было купить большую часть населения Австрии, самцов или самок, без разницы. Это было в 1936 году, незадолго до прихода нацистов, которые вскоре прикрыли либидные пляски заокеанских туристов.

Вернулся в Штаты. Благодаря деньгам, доставшимся мне из трастового фонда, я мог преспокойно жить, не работая и не преступая закон. Я и в мыслях не возвращался к тому образу жизни, который вел в родной дыре на Среднем Западе. Бесцельно болтаясь, посещал курсы лекций для дипломников по психологии и брал уроки джиу-джитсу. Решив пройти курс психоанализа, около трех лет продолжал изыскания в данной сфере, устранив для себя внутренние запреты и общую озабоченность, чтобы жить как мне хочется. Успехам в психоанализе я был в самой малой степени обязан своему аналитику, невзлюбившему мою, как он выразался, «ориентацию». В конце концов, презрев аналитическую объективность восприятия, этот чувак выставил меня за дверь как «отъявленного мошенника». Впрочем, я был больше, чем он, удовлетворен достигнутыми результатами.

После того как по причине физической непригодности меня не приняли на курсы офицерской подготовки (я обратился наудачу в пять мест и везде получил отказ), меня призвали в армию, признав, судя по всему, годным к бессрочной службе без права на повышение. Осознав, что солдатская ляпка в скором вре-

мени станет удавкой, я незамедлительно отмазался, вытащив на свет божий древнее заключение родной психушки.

Как-то раз, протащившись от приколов Ван Гога, я отрезал себе кончик мизинца, надеясь произвести впечатление на занимавшую меня в то время особу. Врачебная «психбратия» никогда не слышала о Ван Гоге и констатировала шизофрению, к тому же в параноидальной форме, что объясняло не вписавшийся в их диагностику фактик: я прекрасно понимал, где и с кем находился, и знал, кто был президентом Соединенных Штатов. Когда армейские шишки увидели этот диагноз, меня немедленно демобилизовали с категоричной пометкой в белом билете: «Сей муж более не подлежит призыву или перекомиссовке».

Развязавшись с военной бодягой, я переменил множество занятий. К тому времени можно было уже найти любую работу, какая только в голову взбредет. Работал частным детективом, дезинсектором, барменом. Трудился на заводах и в конторах, параллельно ошиваясь в околонуговой среде. Но чем бы я ни занимался, каждый месяц имел свой минимум в сто пятьдесят долларов, как штык. В принципе мне не нужно было делать деньги, поэтому рисковать своей свободой ради совершения поступков, расцениваемых как преступления, казалось романтическим сумасбродством. Как раз в то время и при таких условиях я повстречался с морфой и стал наркоманом. Сразу же возник приевшийся мотив — настоящая потребность в деньгах, доселе мною не испытываемая.

Один из самых распространенных вопросов: «Почему человек становится наркоманом?» Ответ пре-

дельно прост — обычно он не рассчитывает, что станет им. Невозможно однажды встать утром с постели и сразу решить стать наркоманом. Чтобы хоть как-нибудь сесть с полного чистяка, надо ширяться по крайней мере три месяца, дважды в день. И никогда по-настоящему не узнаешь, что такое морфяная ломка, пока не пройдешь через несколько подсадов. Я пер до первого привыкания аж полгода, да и тогда отходняк был довольно слабым. Думаю, не будет преувеличением сказать — требуется около года и несколько сотен инъекций, чтобы тот или иной субъект состоялся как наркоман.

Можно, конечно, спросить: «А почему вы вообще пробовали наркотики? Почему вы продолжали употреблять их достаточно долго для того, чтобы стать наркоманом?» К наркотикам привыкаешь, потому что в других сферах деятельности нет особо сильных желаний, привязок, стимулов, нет мотивации. Джанк заполняет собой пустоты. Попробовал я его главным образом из любопытства. И поплыл по течению, ширясь, когда только мог затариться. А закончил подсевшим. У большинства говоривших со мной наркоманов все протекало по схожему сценарию. Они не могут вспомнить какой-либо конкретной причины, по которой они стали употреблять наркотики. Это происходило само собой... Они просто торчали, пока не подсели. Если ты никогда не ширялся, то не сможешь четко осознать, что значит нехватка джанка при особой потребности наркомана в нем. Не ты решаешь, стать ли тебе наркоманом. Однажды просыпаешься, и на тебе — ломка, готово, парень, приехали.

Я никогда не сожалел о своих наркотических опытах. Думаю, что благодаря джанку нахожусь сейчас, чисто физически, в гораздо лучшем состоянии, нежели то, в котором находился, если бы никогда не был наркоманом. Когда перестаешь расти, начинаешь умирать. Наркоман же никогда не перестает расти. Большинство торчков периодически слезают, вызывая этим усыхание организма и замену джанкозависимых клеток новыми. Опиоман в своем повседневном круговращении от потребности в уколе до ее удовлетворения пребывает в состоянии непрерывного усыхания и роста организма.

Многие наркоманы выглядят гораздо моложе своих лет. Ученые недавно ставили опыты на червях: они лишали их питания и исследовали процесс усыхания. Благодаря тому, что делалось это с интервалами и организм находился в состоянии непрерывного роста, жизнь червя затянулась на неопределенное время, поправ все отпущенные ему сроки. Если джанки сможет поддерживать в себе цепь таких непрерывных рывков, то, возможно, станет феноменальным долгожителем.

Джанк подобен уравнению, на уровне клеточного строения, через которое постигаешь фундаментальные законы действительности. Потребляя джанк, я очень многому научился — увидел жизнь выверенного под углом зрения, отраженного в каждой капле раствора морфия. Во время ломки познал мучительность лишения и наслаждение от облегчения, когда истомленные жаждой джанка клетки впитывают из иглы живительную влагу. Вероятно, все виды наслаждений приносят облегчение. Я познал стоицизм на том фи-

Пролог

зическом уровне, которому джанк учит потребителя. Я видел тюремные камеры, битком набитые изломанными джанки, безмолвными и неподвижными в своем особом страдании. Они знали о бессмысленности жалоб и движений. Они знали, что по существу никто не сможет помочь кому-либо другому. И нет решений задачи, нет тайны, которую ее владелец может тебе доверить.

Я познал формулу джанка. Опиаты — это не способ увеличить удовольствие от жизни, подобно алкоголю и траве. Джанк — не стимулятор, это образ жизни.

ДЖАНКИ

Впервые я познакомился с джанком во время войны, где-то в 1944—1945 годах, сдружившись с человеком по прозвищу Нортон, работавшим в то время на верфи. Настоящая фамилия Нортон, уволенного в запас еще в мирное время за подделку платежного чека и, очевидно, по причине дурного склада характера получившего статью «4-эФ», была что-то типа Морелли. Он походил на Джорджа Рафта, только ростом был повыше. С моей посильной помощью Нортон пытался усовершенствовать свой английский и научиться вести себя, как принято в приличном обществе. Хорошие манеры тем не менее плохо ему приживались. По возвращении в привычную атмосферу его речь становилась груба и вульгарна, и, даже не глядя на него, можно было понять, что он по сути своей жлоб, таким и останется.

Будучи вором-работягой, Нортон не мог успокоиться, пока в течение дня не стянет хоть что-нибудь со своей верфи. Таскал все, что под руку попадалось, — инструменты, консервы, спецодежду. А однажды позвонил мне, сообщив, что украл пистолет-пулемет. Смогу ли я найти для него покупателя? «Может быть. Тащи штучку сюда», — ответил я.

Давала знать о себе нехватка жилья. За грязную и узкую, как трап, квартирку, куда никогда не загляды-

вало солнце и которая выходила прямо на лестницу, я платил пятнадцать долларов в неделю. Обои отклеились по причине незамедлительного просачивания пара из батареи, как только там появлялось что-то способное просачиваться. Окна были наглухо забиты и заклеены от холода газетами. В помещении кишмя кишели тараканы, а изредка в списке моих бытовых жертв мелькали не бог весть какие клопы.

Когда Нортон постучал в дверь, я сидел у батареи, немного взмокший от пара. Распахнул дверь, и вот он уже стоит в прихожей, под мышкой — большой сверток, обернутый в коричневую бумагу. Поздоровался со мной, расплылся в улыбке. «А-а, Нортон, входи, только пальто сними», — говорю. «Томми» (пистолет-пулемет) распаковали, собрали, передернули затвор. Я сказал, что постараюсь найти покупателя.

— Ах да, — спохватился Нортон. — Ведь я раздобыл кое-что еще.

Это была плоская желтая коробка, входившая в комплект воинской аптечки для оказания первой помощи, с пятью полграновыми ампулами тартрата морфия.

— Пока просто образчик, — сказал он. — У меня дома пятнадцать таких упаковок. Сумеешь сплавить, еще достану.

— Ладно, я посмотрю, что смогу сделать.

До этого момента я никогда ничего из опиатов не пробовал, даже в голову не приходило попробовать. Получилось так, что именно благодаря поискам покупателей на эти два товара я вышел на Роя и Германа.

В числе моих знакомых был один молодой хулиган из северного Нью-Йорка, стряпавший с целью «рас-